

Глубокий шрам

Автор:

Джек Битси

Глубокий шрам

Джек Битси

С яркими индивидуальностями, сильными страстями и неожиданными поворотами сюжета встречаемся мы в романе Дж. Битси «Глубокий шрам». Героиня романа, молодая и красивая женщина, работает, упорно учится, обретает уверенность в себе и очарование, перед которым трудно устоять даже ее холодному и рассудочному наставнику. Но и она не остается равнодушной к его уму, силе и решительности.

Джек Битси

Глубокий шрам

Глава 1

Джерард Селден не спеша вышел из станционной конторы. Толпа на платформе Айвенго почтительно расступилась перед ним. За внешними знаками почтения, которые ему оказывало население шахтерского поселка, скрывалась ненависть. Селден был управляющим шахтой в Айвенго, принадлежащей Континентальной угольной компании. Айвенго боялся и ненавидел его.

Лениво пройдя платформу, Селден прислонился к решетке окна, за которым назойливо стрекотал телеграфный аппарат. Он специально выбрал это место:

ему необходимо было знать всех, кто приезжал и уезжал из Айвенго. Отсюда он мог видеть всю узкую длинную платформу, на которую через несколько минут прибывал поезд из Чарлстона. Селден мог бы послать на этот наблюдательный пост одного из своих подчиненных, но он старался не прибегать к услугам жителей поселка и предпочитал действовать сам: личные наблюдения служили ему источником познания человеческой натуры.

Между ним и толпой на платформе образовалось свободное пространство. Селден отметил это с удовлетворением. Ставя себя над толпой, он управлял ею. Шахтерский поселок боялся его – и не без оснований.

Внешне Селден выгодно выделялся среди окружающих. Это был высокий, стройный человек с гибкой фигурой. Каштановые волосы на красиво посаженной голове слегка вились, тонкие губы часто складывались в жесткую усмешку, Молчаливый, прекрасно владеющий собой, он был самым холодным человеком из всех, кто когда-либо держал в своих руках судьбы и счастье двух тысяч жителей поселка.

Ожидая поезд, управляющий глазами собственника оглядывал район шахты, находя его прекрасным. С высоты платформы он мог видеть Айвенго; поселок лежал в долине у подножья Бархатной горы, достигавшей высоты трех с половиной тысяч футов. Остов вышки, стоявшей у входа в шахту, возвышался над Айвенго. До Селдена доносился грохот тележек, загружающих уголь в дробилки. Непроизвольно он отмечал интервалы времени – каждые шесть минут. Время не тратилось зря. Селден следил за стрелкой, которая показывала движение смолы, поступающей под желоб промывателя. Почерневшие вышки, покрытые мелкой угольной пылью, вовсе не казались ему безобразными. Каждый ремень, каждая вращающаяся цепь ведер, даже бесконечный поток воды из промывателя – все это имело смысл и назначение.

За вышкой, в конце улицы, находилось здание конторы шахт, такое же аккуратное, как и сам управляющий. Рядом помещался продуктовый магазин Компании, а еще выше, на склоне горы, – почти спрятанный за деревьями пороховой погреб. Расположение домов в поселке не подчинялось определенному плану. Коттеджи мастеров и надсмотрщиков выглядели наиболее солидно; вокруг них ютились жалкие домишки рабочих.

Оторвав взгляд от поселка, Селден снова впериł его в толпу на платформе. Его глаза стали холодными; теплый блеск, появившийся в них, когда он смотрел на

шахту, исчез, и легкая гримаса скривила губы управляющего. Толпа также принадлежала ему – взором он постигал то, что было скрыто от других глаз. Рабочие бросали на управляющего косые взгляды, но ни один не решался с ним заговорить. Жители Айвенго без особой нужды не обращались к Селдену, а если и приходилось, делали это торопливо, стараясь побыстрее закончить разговор.

Управляющий узнавал лица на платформе и восстанавливал в памяти события их жизни. Там был Билл Уоршам, который, переминаясь с ноги на ногу, нетерпеливо смотрел на железнодорожный путь. Селден знал причину его волнения: Сузи Уоршам возила сына на операцию в Чарлстон, и этой ночью должна была вернуться с ним домой. Уош Винсон тоже чего-то ждал; сизый нос выдавал его пристрастие к крепким напиткам. Глядя на него, управляющий решил переговорить с Бревтом – в шахтерском поселке не должно быть виски.

Наконец подошел поезд. Внимательно следя за всем происходящим на платформе, Селден видел бурные встречи, слышал несвязные, радостные восклицания людей, спешащих обменяться новостями.

Поезд постепенно освобождался от пассажиров. Пробил колокол, предостерегающе закричал кондуктор, и состав медленно пополз назад. Толпа рассыпалась во все стороны. На платформе остались двое – Селден и молодая женщина. При виде ее у него на одно лишь мгновение вспыхнули глаза, дрогнули губы – и снова лицо приняло обычное бесстрастное выражение.

Женщина выжидающе озиралась вокруг, но никто не пришел ее встречать. Она казалась почти девочкой, но темные круги под глазами, складки у рта и суровое выражение лица говорили о ее горьком жизненном опыте. Одета просто, вся в черном; тень от полей маленькой, плотно прилегавшей к голове шляпы скрывала глаза – но не от острого взгляда Селдена. В ней было что-то необычное, отличавшее ее от других пассажиров. Она выглядела слишком изящной и хрупкой для закосневшего в обыденности шахтерского поселка в Западной Виргинии.

Некоторое время Селден наблюдал ее замешательство, не двигаясь с места, но когда она собралась покинуть платформу, он преградил ей дорогу.

– Добрый вечер, мистер Селден, – с легким вздохом приветствовала она управляющего.

– Старик Ангус не встретил вас? – спросил Селден.

Она показала на пустую платформу.

– Как видите. Я не ждала отца, но мама...

– Итак, вы все-таки вернулись в Айвенго? Хрупкая фигурка женщины выпрямилась, глаза заблестели, и казалось, она готова была резко ответить, но под холодным взглядом Селдена тут же сникла. Серые глаза управляющего, жесткие и недобрые, откровенно разглядывали ее, и в них не читалось ни малейшего сочувствия к ее утомленному виду.

Заходящее солнце неожиданно осветило своими лучами бледное лицо молодой женщины, и Селден увидел перемены, оставленные на нем последними годами ее жизни. Эти перемены были очевидны. Три года назад она уехала из Айвенго девочкой и теперь вернулась домой женщиной, узнавшей страдание. Все три года Селден твердой рукой направлял ее жизнь, и теперь, видя результаты своих усилий, он не испытывал жалости. Стоя, как загипнотизированная, она терпеливо ждала, что он скажет.

Появился станционный служитель, принесший с собой огромные керосиновые лампы. Он с любопытством посмотрел на разговаривающих, но не осмелился им помешать. Айвенго никогда не мешал Селдену.

– Я ждал вас раньше, – сказал он все тем же холодным тоном.

– И вы знали, что я вернусь? – испытующе глядя на него, спросила женщина.

Селден рассмеялся беззвучно, как умел только он один.

– Конечно. У вас не было выбора.

Она уронила саквояж, казавшийся слишком тяжелым для такой хрупкой фигурки. Ее голос возбужденно звенел.

– Вы заставили меня вернуться!

– Конечно, – охотно подтвердил Селден.

– О! И вы не отрицаете этого?

– Зачем? – с усмешкой ответил он. – Я знал, что вы вернетесь. Это было неизбежно. Видите ли, я знаю людей и знаю вашего мужа. Я предостерегал вас перед замужеством.

– О да, вы предупреждали меня. Торопитесь теперь сказать: «Я говорил ей».

– Нет! Не хочу утруждать себя. Довольно и того, что когда-то я предупреждал вас.

Молодая женщина, раздумывая, молчала минуту, и когда заговорила, в ее голосе прозвучало недоверие:

– Итак, то, что говорил Клемент, было правдой?

– Зная вашего мужа, сомневаюсь в этом, – сказал Селден с едкой насмешкой, от которой так часто страдал Айвенго.

Кристин Беннет, урожденная Мак-Ивор, внутренне содрогнулась от этой насмешки, но Селден продолжал, не обращая внимания на ее реакцию:

– Что же он вам говорил?

Кристин пыталась говорить спокойно, но ее волнение выдавали судорожные движения руки, мявшей складки платья.

– Клем сказал, что вы внесли его в черный список!

– Это правда, – ответил Селден, пожимая плечами.

– Он считал, что из-за черного списка не мог найти работу в центральных угольных районах.

– Нельзя было поступить иначе. В полумеры я не верю, и потому он не должен был работать ни в Алабаме, ни в Теннесси.

Кристин потупила глаза, но за ее опущенными веками пылал огонь возмущения. Не замечая сгущавшейся тьмы, которую не мог рассеять даже желтый свет ламп, она пыталась понять ту тайную игру, которая столько лет велась вокруг нее. С Бархатной горы подул холодный ветер, и она плотнее запахнула свой плащ, но не двинулась с места.

– Вы заранее знали, что будете делать? В день моей свадьбы с Клементом Беннетом вы уже все решили?

– Конечно. Ваш муж принадлежит к тому типу людей, который хорошо известен всем угольным компаниям. Мы знаем, как обезопасить себя от них, и в таких случаях действуем без колебаний. Это и не составляет особого труда – простой обмен информацией. То, что вы называете черным списком, у нас называется самозащитой. Впрочем, я не намерен вам объяснять.

– Вы принудили меня...

– Я ни к чему вас не принуждал. Ваш муж был поставлен перед выбором и вел себя именно так, как я предполагал.

– Вы заставили его бросить меня!

– О нет. Я только предоставил ему больше возможностей бросить, чем остаться с вами, и не сомневался в его выборе.

– Очевидно, – сдавленным голосом начала Кристин, пытаясь овладеть собой, причем спокойствие Селдена странным образом ей помогало, – вы не верите в мое влияние на него.

– Я знаю вашего мужа.

– Зачем вы преследовали нас? – вопрос вырвался невольно, она хотела скрыть свою боль, но, спросив, продолжала: – Что я вам сделала? Вы, вы знаете... – жестом, выражавшим безнадежность, она оборвала свою речь.

– Вокзальная платформа – не место для объяснений. В другое время.

– У вас не хватит смелости сказать правду! Но Клем мне сказал.

– Да? – равнодушно спросил Селден. Кристин говорила медленно:

– Он сказал мне, что вы хотите вернуть меня в Айвенго.

Углы рта Селдена дернулись.

– Да, хочу. И он послал вас?

Кристин вздрогнула от презрения, звучавшего в его голосе, ее склоненное лицо покрыла бледность.

– Нет, он бросил меня. Я вернулась сама. Чего же вы еще хотите? Вот я здесь.

Селден равнодушно пожал плечами:

– Решение за вами.

Кристин потеряла самообладание. Охватившее ее возмущение не знало границ. В голосе молодой женщины звучали рыдания, но глаза оставались сухими и сверкали решимостью.

– Представляете ли вы себе, что вы сделали? Или, быть может, вы этого не понимаете? Вы ведь не беспомощная женщина, зависящая от других во всем, даже в том, что касается крыши над головой и пищи. Какое вы имели право управлять моей судьбой?

Селден сделал небрежный жест:

– Никакого.

– Вы ограбили меня! Вы унизили меня, как... Селден грубо ее перебил:

– Помолчите минуту и слушайте! Истерики вам не помогут. Я заставил вас пройти через тяжелый жизненный опыт – признаю это. Но я вытащил вас из той среды, которая очень скоро превратила бы вас в развалину, и сделал это исключительно для вашей же пользы. Смейтесь, если вам нравится! Когда-нибудь вы со мной согласитесь.

Кристин прервала Селдена, не обращая внимания на его протестующий жест:

– И вы думаете, я поверю в ваши добрые чувства?

– Я и не прошу вас верить, – хриплым голосом ответил он. – Когда я вижу в шахте людей, работающих под сгнившими креплениями, то, независимо от того, нравится им это или нет, удаляю их, и только тогда меняю бревна и мешки с песком. То же я сделал и с вами. Вы жили под гнилой крышей. Мне пришлось убрать вас, не дожидаясь, пока она рухнет.

Аналогия из знакомой с детства жизни была ей понятна. Она пыталась подавить свой гнев, но глаза ее выдавали. В них горела неукротимая ярость.

– Вы убрали крепления, но не заменили их.

– Это будет сделано позже.

– Но вы не имеете права! Я – не ваша собственность!

– Я сам взял это право.

И вновь перед Кристин предстал управляющий шахтой, которого боялся весь Айвенго.

– Что вы собираетесь делать? – более мягким тоном заговорил Селден.

Кристин тяжело вздохнула, сознавая в своей беспомощности.

– Пока – ничего.

И медленно, подчеркивая каждое слово, она бросила ему:

– Сейчас я пляшу под вашу дудку, но не всегда будет так!

Селден уклонился от вызова:

– Об этом поговорим когда-нибудь в будущем. Что вы намерены делать сейчас?

– К чему спрашивать? Вам ведь все известно. Я возвращаюсь в дом отца. Это единственное место, куда я могу пойти. – Кристин вздрогнула. – Но я предпочла бы идти куда угодно, только не к нему.

Казалось, злость ее утихла – глаза смотрели спокойно. Не повышая голоса, она сказала:

– Вы все заранее решили.

Селден надел кепи – во время разговора он стоял с непокрытой головой.

– Конечно.

– Что же будет дальше?

Он засмеялся и сказал с издевкой:

– Приходите ко мне домой в любую ночь, и я скажу вам, Кристин. Вы все равно не поверите мне, пока не увидите со своим отцом.

Глаза Кристин широко раскрылись от изумления.

– Неужели ваш дом открыт теперь для жителей поселка?

– Он открыт для вас.

Гордо выпрямившись, Кристин презрительно ответила:

– Понимаю. Я была уверена в этом. Не нужно меня ждать: я никогда не приду!

Селден повернулся на каблуках и через плечо бросил безразличным тоном:

– Не торопитесь! Вы еще не видели своего отца.

Глава 2

Шесть лет, шесть горьких для Айвенго лет Джерард Селден был управляющим шахтой. Шахтерский поселок ненавидел Селдена, ненавидел его безжалостное, непреклонное требование максимальной отдачи в работе, холодное презрение к чувствам и страданиям других, его внешнюю благовоспитанность, прикрывавшую жестокость. Ненавидя, Айвенго из страха перед этим человеком работал на него с точностью хорошо дисциплинированной военной части.

В жизни Селдена, насколько было известно в Айвенго, не находилось места ничему, кроме работы и интересов Континентальной угольной компании. Шахта, усовершенствование производства, добыча угля, погрузка и отправка его по железной дороге в промышленные центры – все это, казалось, было единственным смыслом его существования.

Селден знал Айвенго лучше, чем Айвенго знал его. Когда после шестилетнего его пребывания управляющим жители поселка собирались на ступеньках магазина покурить и послушать сплетни, о Селдене даже самые злые сплетники не могли рассказать ничего нового. Шесть лет назад тридцатилетний Селден, самый молодой из управляющих Компании, приехал из Цинциннати, и вскоре Айвенго понял, что можно ненавидеть и в то же время уважать человека. Раньше это был поселок вечно пьяных и дерущихся шахтеров, которые ничего не боялись ни на земле, ни под землей. Самые отчаянные богохульства возносились к небу от Айвенго, и меньше всего углекопы боялись Континентальной компании.

Селден сумел подчинить их себе, и сделал это быстро, безжалостно и холодно – без гнева и злорадства, как если бы имел дело не с людьми, а с машинами. И Айвенго сразу же возненавидел Селдена. С годами ненависть только росла. На

десять тысяч футов под землей не было уже ни одного шахтера, который не закипал бы бешенством при одном упоминании его имени и не горел бы желанием при случае с ним расправиться. У Селдена не было на этот счет никаких иллюзий. Он прекрасно знал об отношении к нему жителей Айвенго. Равнодушный к их страху и ненависти, он умел оградить себя от их злобы.

Глухая вражда шахтеров никогда не вырывалась наружу. Бешенство, тлевшее в угрюмых рабочих, только забавляло Селдена. Он рассматривал поселок как необузданное животное, корчившееся под ударами его кнута, но слишком трусливое для того, чтобы ринуться в открытый бой. В беспощадной борьбе между ним и рабочими, заполнявшими подземные галереи шахты, Селден всегда выходил победителем. Ловко и хитро он отклонял даже скромные требования повысить жалованье или продлить больничный лист и отсылал людей назад, на работу, сконфуженными и сбитыми с толку. Неумолимый, безжалостный, бесчеловечный – так характеризовал шахтерский поселок Селдена.

Шесть лет рабочие знали Селдена, но никогда не могли предугадать его поступков. Он был одиноким. Некоторые из его предшественников жили одной жизнью с Айвенго, другие строго ограничивали свой круг общения. Селден не делал ни того, ни другого. Никто никогда не приходил к нему, и он сам за шесть лет не посетил ни одного дома. Иногда, казалось, по капризу, он вмешивался в семейную жизнь шахтеров и, превышая все полномочия управляющего, беспардонно приказывал. Сопrotивление его воле означало увольнение, даже черный список. Неведомыми путями Селден собирал сведения о поселке. Ни одно изменение, даже самое незначительное, в жизни его населения не ускользало от серых, бесстрастных глаз управляющего.

В действительности же он не был так равнодушен ко всему, как казалось людям, но его интерес шел не от добрых чувств. Селдена интересовали люди – он изучал их для того, чтобы управлять ими. Библиотека в «Доме на холме» изобиловала трудами, посвященными исследованию человеческих эмоций и рефлексов. В тиши своего кабинета Селден изучал теорию. Айвенго служил ему лабораторией, где он проводил опыты. Сопоставляя теоретические положения с практикой, Селден достиг необычайной власти над людьми и умело использовал ее для того, чтобы управлять ими. Честолюбие, которое владело этим человеком, заставляло его упорно добиваться своей цели, пренебрегая интересами рабочих.

Женщины Айвенго особенно негодовали на Селдена из-за вмешательства в их личную жизнь, но были бессильны проявить свою злобу и возмущение. Селден являлся абсолютным и всесильным хозяином поселка. За ним стояла вся мощь Континентальной угольной компании, ее миллионы, ее вооруженные силы.

Рабочие хорошо знали могущество Компании, и запрещали женщинам бунтовать против Селдена. Женскому населению поселка приходилось ограничиваться только разговорами и сплетнями. Селден догадывался о возмущении, охватившем шахтеров, хотя ни один человек не осмелился бы рассказать ему об истинном положении вещей. Он сумел справиться и с женщинами, внушив им, что вмешательство в жизнь их семей является его прямой обязанностью как управляющего шахтой.

Победа над женщинами поселка доставила ему удовольствие, внесла приятное разнообразие в его монотонное существование. Любовь, брак, рождение и смерть – эти важнейшие события в жизни жителей Айвенго стали для управляющего не только предметом исследования, но и источником развлечения. На знании человеческой натуры основывался его непререкаемый авторитет.

* * *

Покинув платформу, Селден, вместо того, чтобы идти в контору, повернул на улицу, ведущую к его дому. У подножия холма он по привычке на миг остановился и посмотрел на лежавшую у его ног долину. Сгущавшаяся темнота мешала ему видеть всю картину, но он хорошо представлял ее по памяти. Единственная прямая улица с одной стороны заканчивалась станцией, с другой – зданием конторы. Налево были вышка и залитая ярким светом электрическая станция. Направо мерцали светлыми огоньками коттеджи, казавшиеся сейчас пятнышками величиной с булавочную головку.

Оглядев свои владения, Селден резко повернулся на каблуках и пошел к дому, который он построил на пологом склоне холма, параллельном проходящей поблизости железнодорожной колее. По этой дороге редко ходили жители поселка, для которых усадьба управляющего была запретной территорией. Ни один из них не мог похвалиться тем, что переступил его порог. Стоявший в роще, среди огромных дубов, бревенчатый дом с широкой верандой выходил окнами на долину. Свет мерцал в окнах, когда Селден подошел к своему дому.

Он тихо засмеялся – теперь, когда он был один, в его смехе звучали почти ласковые нотки. Этот тихий смешок часто сопровождал психологическим экспериментам Селдена. Взглянув на часы, он подумал: «Вряд ли она сейчас счастлива».

Глубокий старик-негр, невероятно сморщенный, с белыми пушистыми волосами, открыл дверь.

– Приносила ли прачка белье, дядя Джадж? – мягко спросил Селден.

Негр открыл рот, издав какие-то невнятные звуки. Слуга Джадж был немым.

Селден, видимо, поняв его ответ, кивнул головой.

– Хорошо. Давай скорее обедать, я тороплюсь. Старик потащился на кухню. Тем временем его хозяин скрылся в ванной. Дядя Джадж был единственным слугой в доме, но Селден и не нуждался в других. Он выбрал старика-негра потому, что тот был нем, и таким образом исключались лишние разговоры за пределами дома. К тому же Селден не хотел, чтобы дома ему досаждала болтовня слуг. Между слугой и хозяином установилось своеобразное взаимопонимание, недоступное посторонним.

Быстро пообедав, Селден медленно пил кофе. Дядя Джадж следил за ним, стоя в дверях. Угадав его тайную мысль, Селден одобрительно сказал:

– Прекрасный кофе.

Лицо негра просияло от удовольствия. Задумчиво помешивая кофе, Селден обратился к старику:

– Дядя Джадж, возможно, у нас будут сегодня посетители. Женщина. Если она придет, прими ее. Ты понял?

В горле негра что-то заклокотало. Селден поспешил прервать эти звуки, выражавшие недоумение и недовольство.

– Знаю. Никто никогда не приходил, но на этот раз – исключение. В какое бы время она ни пришла, позови меня.

Дядя Джадж закивал головой.

Селден встал из-за стола и прошел в библиотеку. Там он сел в кресло у лампы и взял книгу, но не стал читать и задумался.

Его занимало ее будущее. Гнев Ангуса Мак-Ивора, возмущенного самовольным замужеством дочери, едва ли остыл за три года. Каждое утро Селден наблюдал за стариком Ангусом, спускавшимся в шахту с суровым лицом и сердитыми глазами. Миссис Мак-Ивор была всего лишь бесцветным повторением мужа. Время от времени Кристин приезжала в Айвенго, и хотя от нее никогда не слышали жалобы или упрека, ее вид не мог обмануть Селдена. Он был уверен в развязке этой драмы и с неистощимым терпением ее ожидал. Теперь, после трех лет ожидания, ему незачем было торопиться. Его уверенность основывалась на точном расчете, все дело было во времени. До Селдена доходили слухи о ярости Мак-Ивора и о все растущем отчаянии Кристин. Он искренне удивлялся ее мужеству и выдержке.

Погруженный в свои мысли, Селден не слышал слабого стука в дверь. Вслед за тем его внимание привлекло гортанное клочкотание дяди Джаджа.

– Я занят, и не мешай мне! – нетерпеливо бросил он старику.

Негр пытался что-то сказать, жестами он старался изобразить женскую фигуру.

Взглянув на него, Селден быстро вскочил и бросил книгу. Обойдя стол, он зажег канделябры. Комнату залил яркий свет. С минуту Селден стоял молча. Потом, повернувшись к дяде Джаджу, резко приказал:

– Проводи ее!

Когда Кристин вошла, Селден неподвижно стоял у камина. Дядя Джадж, поклонившись хозяину, скрылся в дверях. Селден молча пододвинул молодой женщине кресло и скамеечку для ног. Пытливо вглядываясь в ее лицо, освещенное светом канделябров, он старался найти на нем следы внутренней борьбы. Но оно было непроницаемо. Глаза, обведенные темной тенью, выражали решительность, губы плотно сжались. Кристин прекрасно владела собой. Стоя, она внимательно разглядывала кабинет Селдена. Комната была заставлена высокими, до потолка, книжными шкафами. В одном ее конце стояло пианино и высокая напольная лампа, в другом – письменный стол и удобные вольтеровские кресла. Картины, показавшиеся Кристин ценными, оживляли серый фон стен. Пылающий камин и тяжелые занавеси дополняли убранство. Кристин села в кресло и, улыбаясь, неожиданно сказала, указывая на обстановку:

– Судя по рассказам, я представляла себе все это менее дорогим.

– Это меня не удивляет, – сухо сказал Селден. – До вас никто из поселка здесь не был.

Наступило молчание. Селден пристально смотрел на посетительницу, и она не избегала его взгляда.

– Итак, – Селден усмехнулся, – вы, наконец, дошли до предела. Я и не предполагал, что у вас столько терпения.

– Да, у меня нет больше сил. Иначе я не была бы здесь. Я знаю, чем рискую.

– Верно, для вас это большой риск. Но вы ведь не отказываетесь от него?

Кристин горько усмехнулась.

– Конечно, нет. У меня нет выбора. – Глядя ему прямо в глаза, она добавила: – Но за это ответственны вы.

– Я не отрицаю и беру на себя ответственность.

– Прекрасно, но последствия все же падут на меня.

– Вам известно, какого рода будут последствия? – с легкой иронией спросил Селден.

– Да, – уверенно ответила Кристин.

– И они вас не пугают? Кристин махнула рукой.

– Не очень. Теперь мне безразлично. Я знаю, что может быть.

– Не будьте слишком уверенны, хотя я и не хочу вас пугать.

Они снова замолчали. Селден наблюдал за ней, иронически улыбаясь. Он испытывал сейчас приятное чувство превосходства. Ему казалось, что он научился создавать те или иные обстоятельства и точно предвидеть результаты своих действий. Это умение, как он полагал, проистекало из тонкого знания человеческой природы. Селдену нравилось играть с огнем. Уверенность в том, что в решающий момент он окажется хозяином положения, никогда его не покидала.

– Итак, – нарушил молчание Селден.

– Вы были уверены, что я приду? – прямо спросила Кристин.

– Конечно. Я сказал вам об этом на станции.

– Я отомщу вам, – ровным голосом проговорила она.

– Обычно мы мстим за то, чего не можем избежать.

– Вы были уверены в том, что я приду сегодня?

Селден отрицательно покачал головой, но лицо его выражало уверенность в обратном.

– Вы могли ошибиться, – медленно произнесла Кристин.

– Но вы здесь...

– Вы не знаете, зачем я пришла.

– Знаю, но если хотите, можете сами сказать. Испытывая мучительные колебания, Кристин сказала:

– Я пришла к вам за помощью.

Селден невольно улыбнулся, вспомнив мнение о нем поселка. Кристин поняла и поспешно сказала:

– Я знаю, что говорят о вас в поселке, но у меня были основания так поступить. Вы заставили меня вернуться и приняли на себя ответственность за это.

– Раньше вы не просили помощи.

– Я прошу теперь. У меня больше нет надежды. Мне безразлично, что бы ни случилось!

– Помочь вам не так-то просто. Мне необходимо знать все. Готовы ли вы ответить на мои вопросы?

– Да, я отвечу на все – иначе не стала бы вас просить.

Селден встал и погасил канделябры. Комната погрузилась в мягкий полумрак, только на стол падал яркий круг света от лампы.

– В общих чертах я, конечно, знаю вашу историю, но мне нужны подробности. Я хотел бы, чтобы вы рассказали все сначала.

Полумрак скрыл от Селдена ее волнение. Кристин закусила губы и судорожно обхватила руками колени. Стараясь придать своему голосу твердость, она начала:

– Нелегко сознаваться в собственных ошибках, особенно, когда говоришь с человеком, предостерегавшим от них. Но я хочу, чтобы вы знали: я считаю вас повинным в моей беспомощности и отчаянии. Вы отняли у меня надежду на счастье.

– Довольно необычные побуждения заставили вас обратиться за помощью, – заметил Селден.

– Неужели вы считаете, что мне легко было прийти к вам? Вы не знаете, о чем я думала по дороге сюда! Я выбирала между вами и...

Кристин потеряла самообладание.

– И выбрали меня?

– Да, я выбрала вас – по одной причине.

– Могу я спросить, по какой?

– Нет. Теперь это не имеет значения. Позже вы, может быть, и узнаете.

– Послушайте, вы думаете, что я вмешиваюсь в вашу жизнь из прихоти? Это не так. Я понимаю, что вы теперь озлоблены – это вполне естественная реакция, но...

Кристин прервала его с холодным сарказмом:

– Вы еще раньше принимали со мной этот тон – все делалось для моего же блага. Почему бы вам не добавить еще и то, что говорит мой отец? Что вы понимали в моей жизни – вы, удобно устроившийся зритель, сидя здесь в кресле, говорите мне, что все было сделано для моего благополучия? Почему вы не позволили мне самой создать себе это благополучие? Я начала создавать.

– Да, но начали неправильно, и потому я вмешался. Если бы я стал ждать, было бы слишком поздно для разрыва. Теперь вы сможете начать новую жизнь без особых потерь.

– Я не верю вам! За три года я многому научилась. Я больше не девочка и не верю вашим альтруистическим порывам!

Селден прервал ее обычным холодным тоном:

– Не собираюсь убеждать вас – вы сами пришли ко мне за помощью. Но если это только предлог, чтобы высказать ваше мнение обо мне, то оно меня не интересует.

Кристин смутилась:

– Я... я забылась. Вы не представляете себе, что я пережила.

– Теперь рассказывайте, – уже мягче сказал Селден.

– Хорошо. Я хочу, чтобы вы знали. Может быть, то, что вы говорили о Клеме, было правдой, – она задумалась на минуту, – но я не оставила бы его, что бы ни случилось. Я верила в возможность его исправления, пока не почувствовала отвращение и не убедилась, что я в нем ошиблась. Вы знаете, как противился отец моему браку с Клемом. Я старалась быть справедливой к отцу и понять его, но не смогла. Он никогда не понимал меня. Послал в школу в Чарлстон, чтобы я получила хорошее образование – лучшее, чем у кого-либо в Айвенго, а потом не позволил мне им воспользоваться. Он всегда был со мной холоден и замкнут. Даже когда я была маленькой девочкой, он никогда меня не ласкал. Ему просто незнакомо чувство любви.

– Существует только одна любовь, – заметил Селден. – Настоящая, стопроцентная любовь, которая никогда не проходит, – это любовь к самому себе.

Кристин взглянула на него, но удержалась от замечания.

– Мы жили в шахтерских поселках, и отец всегда был отрезанным ломтем. Он заставлял меня и мать жить так же. Казалось, он считал, что Мак-Иворы лучше всех, и нет людей, которые были бы их достойны. Вы знаете, каким мрачным был наш дом. Я не видела детства. За то, что я знакоилась и играла с другими детьми, отец бил меня хлыстом. Дом показался мне совершенно невыносимым,

когда я вернулась из Чарлстона. Я задыхалась в его мрачной атмосфере. Отца и мать возмущало мое желание жить так, как другие девушки. Малейшее проявление моих желаний приводило отца в негодование. Мне полагалось жить их жизнью. С тех пор, как я стала взрослой, обстановка в доме становилась все более напряженной. Они никогда не понимали меня!

– Потом пришел Клем – и он, конечно, понял? – иронически заметил Селден.

Кристин болезненно улыбнулась:

– Я думала, что понял, но я была тогда совсем молода и глупее, чем сейчас. Тогда Клем не проявлял своих низменных качеств. Он был ярким, жизнерадостным и любил меня. Мне казалось, что он поможет мне освободиться от дома. Отец не любил его, но это меня не удивляло. Он никогда не любил тех, кто был со мной дружен. Отец запретил мне встречаться с Клемом, но я его не послушалась. Узнав об этом, он запер меня в доме, как в тюрьме.

– Это не так страшно. Я много раз вас предупреждал, – сказал Селден.

– Вы? – презрительно бросила Кристин. – Как вы могли догадаться о том, кем был для меня Клем? Что вы знаете о людях с сердцем?

– Больше, чем вы думаете. Я знал, что вы будете несчастливы.

– Я сказала вам тогда, что невозможно быть несчастнее, чем я была.

– Вы были не правы. Не так ли?

– Да, но в этом виноваты вы. Мы могли бы хорошо жить, если бы вы оставили нас в покое. Я никогда не пойму, зачем вы вмешивались в нашу жизнь.

– Сколько раз я должен вам говорить, что знал вашего мужа раньше, – нетерпеливо ответил Селден. – Его наружность и манеры не могли меня обмануть. Я видел его насквозь – в нем никогда не было благородства. Вспомните, как он вас бросил. Вы все еще не уверены в том, что он бы все равно рано или поздно так поступил?

– Нет нужды дольше обсуждать это, – устало сказала Кристин. – Я признаю, что вы были правы. Он оказался не тем, за кого я его принимала.

– Вы признаете свою ошибку? Когда вы в этом убедились?

– Вскоре после свадьбы. Сначала мы были счастливы, но потом появился ваш черный список, и Клем не мог найти работы. Возможно, он не проявил необходимой настойчивости в ее поисках, но как только узнавали, кто он, его выгоняли с работы, и мы двигались дальше. Кентукки, Иллинойс, Теннесси – мы были всюду. Сначала Клем не понимал, в чем дело, но потом старший надсмотрщик рассказал ему о черном списке. Я сначала не поверила. Эта мера казалась мне слишком жестокой. Клем был убежден, что причиной его неудач с работой была я: когда-то я рассказала ему о вашем предубеждении. Оставшись без работы, Клем начал заниматься делами, которые казались мне грязными. Слишком брезгливая, чтобы скрывать свое отношение к его занятиям, я стала для него обузой. И он сказал мне об этом.

Кристин умолкла, пытаясь разглядеть в полумраке лицо Селдена.

– Он сказал, что вы будете охотиться за ним до тех пор, пока мы вместе.

Снова наступила пауза.

– В Кентукки он ушел ночью и больше не вернулся. С тех пор я ничего о нем не знаю.

– После этого вы написали отцу?

– Да, написала. Но охотнее я согласилась бы сунуть руку в огонь. У меня не было ни цента, и мне пришлось ему написать. Родительский дом был моим единственным прибежищем, хотя после свадьбы отец сказал мне, что я больше ему не дочь. Несмотря на это, я все-таки написала домой о своем положении. Он прислал мне деньги на дорогу и написал всего два слова: «Возвращайся назад».

Селден усмехнулся.

– Должно быть, он встретил вас не слишком тепло? Брови Кристин сдвинулись.

– Вы выразились чересчур мягко. Если раньше было тяжело, то теперь – невыносимо. Отец при малейшем поводе напоминает мне о прошлом и о том, что я ем его хлеб. И я беспомощна... беспомощна, как...

Кристин, сдерживая рыдания, оборвала фразу. Она подошла к окну и, стоя спиной к Селдену, пыталась совладать с собой. Потом повернулась к нему и с деланным спокойствием сказала:

– Буду терпеть, пока хватит сил. Но я хочу работать.

– Поэтому вы пришли ко мне?

– К кому же еще? Вы – единственный человек, который может мне помочь. Только вы имеете влияние на отца.

– Мне нравится ваша смелость. Почему вы решили, что я захочу вам помочь? До сих пор в поселке не было таких примеров.

Кристин взглянула на него.

– На вас лежит ответственность за то положение, в котором я оказалась. Но если вы не хотите – не надо. Обратившись к вам, я пыталась использовать последний свой шанс.

– Наконец-то вы искренни!

– Это искренность отчаяния.

Селден швырнул папиросу за решетку камина.

– Хорошо, я вам помогу, – заявил он. – Я постараюсь обеспечить вам независимость, пока вы не решите, что делать дальше.

Кристин вопросительно посмотрела в его глаза, ее взгляд был холоден. Селден молча ждал. Наконец она заговорила:

– Это не все. Договаривайте остальное. Селден удивленно поднял брови.

– Что вы хотите этим сказать? Кристин презрительно ответила:

– Нет нужды притворяться. Мы не дети. Вы обещали мне помочь после того, как я сказала вам о своей беспомощности и отчаянии. Что вы за это хотите?

Назначьте цену. Не правда ли, предвкушая этот момент, вы с самого начала интриговали и хитрили? Не ради ли этого момента вы довели меня до отчаяния? Селден, откинув голову, засмеялся.

– Нельзя сказать, чтобы вы были высокого мнения обо мне.

– Я не ребенок, – нетерпеливо возразила Кристин. – Надеюсь, вы не предполагаете, что я рассматриваю ваше предложение помочь, как проявление внимания лично ко мне. За три года, прожитые под вашим надзором, я многое о вас узнала. Думаю, что достаточно хорошо вас знаю, чтобы спросить об условиях.

– И все-таки пришли ко мне? Вы, должно быть, действительно в отчаянии, – задумчиво сказал Селден.

– Можете не сомневаться в этом, – ответила она спокойно.

– Ваш муж... Кристин перебила его:

– О нем нечего говорить. Мы порвали. Он бросил меня, отдавая себе отчет в том, что делает. Я свободна. Когда пройдут два года, я разведусь с ним, что бы ни говорил отец.

– Ваш отец возражает против развода? Она заговорила с прежним озлоблением:

– Да. «Ни одна женщина из рода Мак-Иворов не будет разведена», – сказал он. – Он говорит так только для того, чтобы причинить мне боль. О, он делает все, чтобы наказать меня за своеволие! Он хочет, чтобы я оставалась замужем, потому что это приличный повод прятать меня от людей. Он думает, что моя жизнь кончена. – Сквозь зубы она добавила: – Но это не так, я хочу...

Кристин оборвала фразу, резко отвернувшись от Селдена.

– Я не стала бы ждать двух лет, если бы...

– В этом нет необходимости. У вас есть основания и теперь.

– Какие?

– Он не содержит вас.

– Развод стоит денег.

Селден сделал протестующий жест.

– Это легко устроить. Я могу вам помочь. Кристин покачала головой.

– Нет, нет. Есть предел того, что я могу от вас принять.

– Но вы еще не знаете, что я вам предлагаю. Она слабо улыбнулась.

– О, я прекрасно знаю!

Селден смотрел на нее с любопытством.

– Вы знаете! – сказал он. – Я нахожу это интересным. До сих пор я знал, какого мнения обо мне поселок, но еще ни один человек не высказывал мне так откровенно свое мнение о моей персоне, как вы.

– Вы считаете это дерзостью? Селден улыбнулся.

– Нет. Просто я не жажду быть понятым. Кристин встала.

– Все это не относится к делу. Чем я должна заплатить за помощь, которую вы мне предлагаете? Вы говорили только о своем участии. В чем будет заключаться моя роль?

Селден мягко рассмеялся, но в его смехе еще была доля иронии.

– Я целиком полагаюсь на честность партнера.

– Не слишком ли вы доверчивы? – спросила Кристин.

Селден пожал плечами.

– Может быть. Но это будет интересный эксперимент.

– И вы действительно ждете от меня честности?

– Только глупец может ожидать честности от женщины. Но мне интересно знать, как вы относитесь к принятым на себя обязательствам.

Кристин в упор разглядывала его.

– Я, должно быть, чудачка, – сделала она, наконец, вывод. – Я никого не могла понять – ни отца, ни мужа, ни мать. Вас я тоже не понимаю.

Вместо ответа Селден, в свою очередь, спросил:

– Чего же вы во мне не понимаете?

– Я не понимаю, почему вы, вместо того, чтобы заранее договориться, полагаетесь на мою честность. Вы добились своего. В ваших сетях я оказалась беспомощной, и пришла к вам. Может быть, вы хотите заручиться моим обещанием?

– Когда вы будете немного лучше знать людей, моя дорогая, то поймете, что некоторых из них незаклученный договор обязывает больше, чем подписанный контракт.

– И вы думаете, я принадлежу к таким людям? Селден утвердительно кивнул головой.

– Если бы я не был в этом уверен, то поступил бы иначе.

Кристин запальчиво воскликнула:

– Вы не правы! Я здесь не по своей охоте – вы принудили меня к этому. Ничто не может освободить вас от ответственности за насилие над чужой волей. Думаете, мне легко просить человека, который...

– Такого человека... – саркастически усмехнулся Селден.

– Да, человека с вашей репутацией! Вы заставили меня вернуться в тюрьму и приказали прийти в ваш дом. Предупреждаю вас: я постараюсь извлечь из нашего договора как можно больше и вернуть как можно меньше.

Селден цинично усмехнулся.

– В этом смысле вы не отличаетесь от других представительниц вашего пола. Я хочу попытать счастья.

Кристин пожала плечами.

– Это меня не интересует. Но вы сказали, что полагаетесь на мою добросовестность, и я должна была вас предупредить.

Селден зажег папиросу.

– Принимаю ваше предупреждение, – сказал он. – Но повторяю: я все-таки полагаюсь на вас. Особенно хочу напомнить о том, что я не ставил никаких условий. Это сделали вы. И думаю, только потому, что у вас предвзятое мнение обо мне.

– Не будьте наивным, – сказала Кристин. – Чем же вы руководствовались в течение этих трех лет?

Селден с интересом смотрел на нее.

– Любопытством, – ответил он наконец. – Мне было бы интересно увидеть вас независимой и еще более любопытно узнать, что вы тогда будете делать.

Кристин пришла в явное замешательство.

– И это все? Он улыбнулся.

– Все, что я хотел сказать.

– Я женщина, – сказала она. Селден усмехнулся.

– Судьбе было угодно создать меня мужчиной.

Казалось, больше не о чем было говорить. Селден спокойно курил. Кристин заметила в его глазах смущение. Она пришла к нему в полном отчаянии. Единственной ее мыслью было бежать из дома, который стал для нее невыносимым. Возмущенная и в то же время беспомощная, Кристин отважно презирала те унижительные возможности, которые могли встретиться ей в доме Селдена. С отвращением она признавала его силу и готова была ей уступить. Ее озлобление все возрастало. Она представляла его себе пауком, раскинувшим сеть, в которой, изнемогая, бьется муха – она, в то время как он злорадно предвкушает добычу.

Но Селден оказался другим, и это приводило ее в замешательство. Вероятно, потом, когда она получит обещанную помощь, он изменится и станет более требовательным. Возможно, это только ловкий прием, чтобы сломить ее сопротивление? Напрасный труд – она не позволит себя заморозить.

Селден догадался об этих мыслях, и легкая улыбка осветила его лицо.

– Вам трудно поверить, что вы так легко добились успеха, – сказал он, – но это только начало. Конец еще впереди.

– Каким будет конец? – спросила Кристин. Селден посмотрел на нее, и его взгляд внезапно стал тяжелым. На мгновение на его лице появилось выражение жестокости, хорошо известной в Айвенго, но потом оно исчезло так же внезапно, как появилось.

– Не могу вам сказать, – ответил он мягко.

– Но вам это известно?

– Не совсем. Те возможности, которые я предвижу, не очень приятны. Мне не хотелось бы вас пугать. Но я знаю, что вы думаете, – неожиданно закончил Селден.

– Что?

– Вас поразило несоответствие между представлением обо мне, которое у вас заранее сложилось до прихода сюда, и тем, что вы здесь нашли. Теперь вы думаете, что сможете использовать меня в своих целях, а потом отбросить за ненужностью.

Стоя у камина, Селден раскачивался из стороны в сторону. На лице Кристин мелькнуло выражение страха. Заметив ее испуг, он не без удовольствия улыбнулся и опустился в кресло. В ярком свете лампы резко выступали ястребиные черты его лица.

– Но это вам не удастся, – сказал он спокойно, без угрозы. – Когда вы пришли сюда, – продолжал Селден, – то предложили мне договориться об условиях, очевидно, имея в виду мое участие в вашей жизни.

Он усмехнулся.

– Вы нетерпеливы, что, впрочем, свойственно молодости. Но вы поторопились. Я сам хотел, чтобы вы начали работать ради вашего же благополучия и независимости. В этом я вам помогу. А теперь, – он улыбнулся, – я верну вас в полной сохранности отцу.

– Это ложь! Вы давно уже унизили и сломали меня, и я проклиная вас за это! – в бешенстве крикнула Кристин.

– Не стану спорить с вами. Но то, что сделано – сделано. У меня были для этого свои причины, и я продолжаю считать их важными. Результаты, в которых я заинтересован, оправдают мои действия. Теперь вы озлоблены, и не можете

себе представить, какую опасность убрали с вашего пути. Со временем вы оцените то, что я сделал, пока же я удовольствуюсь ожиданием этого момента.

Селден бросил в камин папиросу и резко повернулся к ней.

– Теперь поздно. Кажется, нам больше нечего сказать друг другу. Как вам удалось уйти сегодня из дому?

– Отец и мать в гостях. Они вернутся поздно. Вы не сказали мне, каким образом собираетесь мне помочь.

– Я еще толком не знаю. Но ничего не предпринимайте, пока я не сообщу вам. Идите. Я провожу вас.

Они вышли из дома. По дороге Селден неохотно поддерживал разговор. Перед домом Мак-Ивора он молча приподнял шляпу и исчез в темноте. Возвращаясь домой, Селден обдумывал план помощи Кристин. Он мог бы дать ей денег и отправить в Цинциннати или Чарлстон, избавив тем самым от невыносимой жизни в доме отца. Однако это не отвечало его целям и дало бы ей лишь временное облегчение. Кроме того, он не мог бы тогда вести за ней наблюдение. Ему хотелось изобрести такой способ помощи, который удержал бы ее в Айвенго. Для этого нужен был старик Мак-Ивор. Он мог воспротивиться, но Селдена это не беспокоило.

Постепенно, пока он шел к «Дому на холме», план помощи Кристин приобретал более определенные очертания.

Глава 4

На следующее утро Селден случайно встретил у вышки Ангуса Мак-Ивора. Старик работал в шахте подрывником. Это была опасная работа, но Мак-Ивор был осторожен. Он никогда не пользовался готовым материалом для взрывов – взрывчатые патроны набивал сам. Каждый день в пять часов, когда последние углекопы выходили из шахты, Мак-Ивор взрывал угольные пласты, не поддающиеся кирке.

Селден внимательно смотрел на его грубо сколоченную фигуру, немного сгорбленную от долгого пребывания в шахтах, но все еще крепкую и жилистую. Мак-Ивор собирался спуститься в шахту, когда пришла Кристин. Поклонившись Селдену, она подошла к отцу и передала ему корзиночку с едой. Приняв из рук дочери корзиночку, Мак-Ивор не проронил ни слова. Он избегал говорить с ней. Кристин молча повернулась и пошла по направлению к поселку.

Селден подошел к Ангусу. Старик укладывал красные пороховые запалы в ящик с опилками.

– Какой воздух в шахтах? – : спросил Селден.

– Газа нет, сэр, – почтительно ответил Мак-Ивор; как и остальные шахтеры, он боялся Селдена.

– Я вижу, ваша дочь вернулась. Навсегда?

– Да, – ответил Мак-Ивор, не прибавив на этот раз слова «сэр».

– Как вы предполагаете с ней поступить? Мак-Ивор нахмурился.

– Что вы имеете в виду?

– Я думаю, что нельзя держать молодую женщину в четырех стенах, не вызвав протеста с ее стороны.

Ангус молчал.

– Я знаю, что вы думаете, – шутливо заметил Селден. – Вы думаете, что я тут ни при чем. Но это не так. Я создал условия, заставившие ее вернуться. Это вам известно.

– Моя дочь останется со мной до тех пор, пока мы не решим, как поступить дальше, – мрачно сказал Мак-Ивор.

– Я уже решил, что она будет делать, – холодным тоном заявил Селден.

– Напрасно беспокоились, – ответил Мак-Ивор. Его лицо казалось безобразным от забившейся в морщины угольной пыли.

– Нет, – заявил Селден, – у меня есть хорошая мысль.

Его голос окреп.

– Вам было бы полезно придерживаться одного со мной мнения, – сказал он, глядя в глаза Ангусу.

Шахтер прочел в глазах Селдена ультиматум.

– Вы не имеете права вмешиваться в мои дела! – закричал он, наступая на управляющего со сжатыми кулаками. – Моя дочь и я...

Селден сделал шаг вперед. Он никогда не отступал перед вызовом. Мак-Ивор вынужден был сделать шаг назад. В Айвенго не было ни одного человека, у которого хватило бы смелости противостоять Селдену.

– Я хотел дать вам совет, Мак-Ивор, – сказал он, – но если вы не хотите его выслушать, то есть и другие способы. Я здесь управляющий. Вы забыли, что это значит.

– Прекрасно. Я слушаю, – угрюмо пробормотал смилившийся Мак-Ивор.

– Так-то лучше, – одобрил Селден. – Мне нужна стенографистка. Я мог бы послать за ней в Чарлстон, но не уверен, что не получу такую, которая никогда даже не слыхала о шахтах и о жизни в шахтерских поселках. Через две недели она, наверно, захочет отсюда удрать. Ваша дочь знает угольное дело и живет здесь. Кроме того, она достаточно образованна. Я решил взять ее к себе в контору и обучить делу.

Мак-Ивор покачал головой.

– Вы кое-что забыли, – сказал он. – Дело не в том, что вы решили.

Иронически улыбаясь, Селден добавил:

– Даже с точки зрения интересов шахты вы занимаете неверную позицию. Ваша дочь нужна мне для работы в конторе.

Мак-Ивору изменила выдержка.

– Вы не получите ее! – вызывающе крикнул он. – Девчонкой она не считалась с моими желаниями, и ничего не стоящий муж бросил ее. Теперь она притащилась ко мне назад, чтобы я ее содержал. Я буду ее кормить, но она должна покаяться в своих ошибках. Хотя вы и управляющий, но не можете стать между мной и моей дочерью. Она останется дома, потому что этого хочу я! – запальчиво кричал Мак-Ивор.

– Сколько лет вашей дочери? – не без ехидства спросил Селден.

– Ей двадцать три года.

– Совершеннолетняя. Она должна подчиняться вам до тех пор, пока вы ее содержите. Вы не хотите дать ей возможности зарабатывать, чтобы не потерять над ней власть.

Мак-Ивор в ярости прервал его.

– Я сказал ей, и теперь повторяю вам: если она еще раз оставит дом вопреки моему желанию, то никогда уже не вернется в него, даже если приползет к порогу, как побитая собака.

– Да? К сожалению, на меня это не производит такого впечатления, как на нее. Слушайте, Мак-Ивор, я начинаю терять терпение. Завтра утром вы пришлете свою дочь в контору и немедленно перестанете мучить ее дома!

– С какой стати? – злобно прохрипел Мак-Ивор.

– Это приказ! Впрочем, вы можете выбирать: или вы завтра же утром посылаете ее в контору, или я передаю дом вашей дочери.

Мак-Ивор смирился перед угрозой, зная, что она не была пустой. Дом, в котором жили Мак-Иворы, принадлежал Компании, и Селден был вправе выселить их и передать его другому лицу.

Их громкий спор собрал толпу любопытных, но достаточно было одного взгляда Селдена, чтобы она рассеялась. Селдену надоело убеждать упрямого старика.

– Не находите ли вы, что воздух Западной Виргинии вам вреден? – сказал он шутливо.

Мак-Ивор окончательно растерялся и что-то пробормотал.

– Не думаю, чтобы вам хотелось отсюда уехать. Работаете вы здесь уже много лет, и у вас солидная репутация хорошего подрывника. Но, как вам известно, если шахтер не согласен с директором, то один из них обычно покидает шахту. Лично я не собираюсь в дорогу...

– Вы пользуетесь преимуществами своего положения, сэр, – сказал старик, к которому вернулось спокойствие.

Селден кивнул головой.

– Я знаю это, и часто так поступаю. Если вам это не нравится... – он оборвал свою речь красноречивым жестом.

– Мне это не нравится, – упрямо ответил Мак-Ивор, – но я ничего не могу поделать.

– На вашем месте, Мак-Ивор, я выразил бы управляющему благодарность за заботу о судьбе дочери. Не забудьте, что ее заработок увеличит доходы семьи.

Селден засмеялся и, повернувшись, пошел прочь.

– Так не забудьте же прислать дочь в контору ровно в восемь утра, – приказал он.

Мак-Ивор смотрел ему вслед с бессильным бешенством.

Селден обернулся и повторил:

– Вы приведете ее ровно в восемь!

Мак-Ивор начал спускаться в забой. Вся его фигура выражала протест и бессильную злобу.

Глава 5

На следующий день Кристин ожидала Селдена в конторе. Коттедж находился на небольшом холме.

Из широких окон открывался вид на вышку и шахты. Из кабинета директора был виден весь поселок.

Селден не заставил себя ждать. Свежий, чисто выбритый и, как всегда, тщательно одетый, он стремительно вошел в кабинет.

– Подождите немного. Сначала я должен покончить со спешными делами, – сказал он и снял телефонную трубку.

Селден отдавал распоряжения служащим, сидящим в другой комнате. До Кристин доносились слова и приказания, касающиеся пароходства, воздушной дороги, очистки поездных составов и, наконец, вызова для доклада старшего надсмотрщика шахты.

Вскоре в кабинет вошел старший надсмотрщик Паунд. Кристин его знала. Он с удивлением взглянул на нее. Это был пожилой, коренастый человек. Селден заговорил с ним тоном, не допускающим возражений:

– На третьем уровне много неприятностей. Немедленно возьмите рабочих и займитесь там очисткой сводов. Уберите все шатающиеся камни, часть их взорвите. Вызовите техника и при нем замените крепления. Не экономьте на них. Вчерашняя задержка обошлась нам в сорок тонн угля.

– Слушаюсь, сэр, – ответил старший надсмотрщик. – Нужно ли поливать доски в проходах водой?

– Сколько раз в неделю вы их поливаете? – спросил Селден.

– Два раза, сэр.

– Пока достаточно. У нас нет людей, чтобы делать это чаще.

– Слушаюсь, сэр, – ответил Паунд, – но они суховаты. Вы приказывали следить за этим.

– Хорошо, я посмотрю сам, – перебил его Селден. – Когда понадобится чаще поливать, я скажу. Следит ли начальник пожарной команды за тридцать второй линией?

– Да, сэр. У него сегодня вся команда в сборе.

– Хорошо. Есть ли газ?

– Газа мало, сэр.

– Можете идти.

После ухода Паунда Селден повернулся к Кристин.

– Можете приступить сегодня к работе? – спросил он.

Его глаза были по-прежнему холодными, но голос звучал мягче, чем в разговоре с Паундом.

– Но... но я не знаю, что делать и что вообще все это значит, – ответила она. – Отец сказал, чтобы я пришла сюда. Он ничего не объяснил. Меня удивило его разрешение. Вы, должно быть, с ним говорили?

– Да, у нас была приятная беседа, – шутливо ответил Селден.

– Как вы сумели его убедить? Я хотела бы найти такие же убедительные аргументы, – сказала она. – Мой отец не принадлежит к числу легко соглашающихся людей.

Селден слегка улыбнулся.

– Есть неотразимые аргументы. Вы это хорошо знаете.

– О, понимаю! Я забыла. Когда-то эти аргументы были направлены против меня, теперь они обращены в мою пользу.

Селден уклонился от дальнейшего разговора.

– Не стоит об этом говорить. Важно, что вы здесь. Догадываетесь ли вы, что это значит?

Кристин смущенно покачала головой.

– Это первые шаги к выполнению моего обещания. Я решил, что вы останетесь в Айвенго.

– Но я не хочу оставаться в Айвенго. Не вижу для себя выхода в таком решении.

Селден откинулся на спинку стула и посмотрел на нее.

– Конечно, я мог бы поступить иначе. Дать вам денег и отправить в один из городов, где вы могли бы делать все, что вам заблагорассудится. Не спорю, такой способ был бы приятнее для вас, но это не была бы помощь. Очень скоро вы израсходовали бы деньги, и снова очутились в таком же положении, как сейчас. Я избрал другой способ, менее приятный, но зато более надежный. Я даю вам работу.

– Работу? Здесь?

– У меня в конторе. Здесь я смогу вами руководить. Вы будете моей стенографисткой. До сих пор на этой работе у меня всегда были мужчины, но последний из них довольно неожиданно угле л.

– Почему? – осмелилась задать вопрос Кристин.

– Не умел держать язык за зубами. Больше он не будет работать в шахтных конторах.

Кристин опустила глаза. Она не хотела, чтобы Селден заметил, что она поняла намеки.

– Обычно считают, что женщины болтливее мужчин, – сказала она.

– Уверен, что вы не станете болтать о делах Компании. Но, конечно, я буду следить за вами. Кроме того, есть другие средства воздействия, которые заставят вас молчать и быть лояльной.

– Лояльной?

Селден ответил нетерпеливо:

– Конечно. Всякая серьезная работа заставляет человека, занятого ею, быть лояльным по отношению к своему предприятию. Это вы должны запомнить, если хотите стать на ноги в деловом мире.

– Вы собираетесь ввести меня в деловой мир?

– Думаю, вам нужна основа для того, чтобы стать независимой, – нечто постоянное, чего нельзя будет у вас отнять.

– Что же это может быть?

– Знания. Они дают независимость. Те знания, которые вам доступны. Я хочу сделать из вас стенографистку.

– Стенографистку?

Тон Кристин выдавал ее разочарование.

– Не спешите разочаровываться. Я имею в виду стенографистку со знанием техники угольного дела. Наша техника чрезвычайно сложна и разнообразна, и мы нуждаемся в опытных работниках. Если вы проявите способности и понимание дела, для вас откроются большие возможности. Совсем не обязательно навсегда оставаться стенографисткой. Вы можете со временем стать старшим клерком на том или ином участке работы. Это вас привлекает?

– Очень!

Лицо Кристин выразило живой интерес к словам управляющего.

– Кроме стенографии, вам нужно изучить счетоводство применительно к угольному делу и организацию шахтного производства. Вы должны будете теоретически познакомиться с устройством шахт и добычей угля. Я вам помогу, и через шесть месяцев вас охотно возьмут в контору любой шахты Америки.

– Да, но для этого потребуется много времени.

– Много времени? Конечно! Для того, чтобы овладеть каким-либо серьезным делом, требуется время. Я могу только руководить вами. Работать же и пополнять свои знания вы будете сами. Это нелегко. Но если вы действительно хотите добиться независимости, то должны научиться преодолевать все трудности. Если же они вас остановят, я умываю руки и больше ничем не смогу вам помочь.

– Как всегда, вы не оставляете мне выбора. Когда я могу начать?

Кристин сознательно не хотела проявлять свою радость. Селден быстро повернулся к письменному столу и передал ей папку.

– Здесь первый урок курса стенографии. Это один из лучших учебников. Я сам по нему изучал стенографию – и неплохо ею владею.

Кристин взяла папку.

– Но как же я могу заниматься и работать одновременно?

– Вы будете заниматься ночью и работать днем. Таким образом вы познакомитесь и с теорией, и с практикой. Большинство людей так делают. Это не настолько трудно, как кажется.

– Хорошо. Что мне делать сейчас? Кристин встала.

– Одну минуту, – удержал ее Селден. – Это еще не все. Вы, кажется, думаете, что борьба между нами будет продолжаться? Я предлагаю забыть о ней, пока вы не станете вполне самостоятельной и независимой. Тогда мы к ней снова вернемся. Теперь же между нами не должно быть равенства.

Кристин сделала вид, что не поняла.

– Вы хотите сказать, что я не должна забывать о различии в нашем положении? Вы – управляющий, а я – ваша служащая. Не беспокойтесь, я этого не забуду!

– Хорошо, – проворчал Селден. – Вот ваш письменный стол. Рассортируйте эти карточки по числам и разложите их по папкам в шкаф.

* * *

Так началась для Кристин новая жизнь. Она оказалась способной ученицей. Селден помогал ей, каждый раз терпеливо исправляя ошибки, которых было немало. Не делая замечаний и не высказывая похвал, он давал точные разъяснения, повторяя то, что она недостаточно твердо усвоила. Сначала Кристин казалось, что многое ей знакомо с детства, но при более тщательном изучении она убеждалась в том, как ничтожны и поверхностны были ее сведения. Ей приходилось упорно работать по ночам, чтобы пополнить и расширить свои познания. Чаще всего она нуждалась в разъяснениях Селдена, когда речь шла об учете добычи угля. Первым таким уроком явилось составление ведомости на заработную плату шахтеров.

– Каждый рабочий имеет определенный номер, который одновременно является номером его чека, по которому производится выплата, – объяснял Селден. – Отправляя вагонетку с углем на поверхность, шахтер вешает на нее медный жетон со своим номером. Весовщик на специальном листе отмечает против номера рабочего вес каждой вагонетки. По этим листам легко вычислить ежедневный заработок любого шахтера. За тонну добытого угля Компания платит пятьдесят два цента. В первую графу этой ведомости ежедневно вносят заработок рабочего, во вторую – сумму, на которую он берет товар в продовольственной лавке Компании. Эта сумма вычисляется по счетам, поступающим в контору из лавки. Предположим, что в добытом рабочим углем было на два доллара больше угольной пыли, чем полагается по договору. Кроме того, имеются счета из лавки на один доллар за бакалейные товары и на один доллар двадцать центов за новую кирку. Все вместе составляет четыре доллара двадцать центов. Допустим, он сдал десять тонн. Вы кредитуете ему пять долларов двадцать центов и вычитаете четыре доллара двадцать центов. Остается баланс в его пользу в размере одного доллара. Такой баланс вы должны составлять изо дня в день.

– Зачем? – спросила Кристин: она не стеснялась задавать ему вопросы.

– Для ясности. При таком ведении дел контора может в любой момент дать справку о состоянии счета каждого рабочего. Кроме того, этот способ исключает споры с рабочими при оплате их чеков. Конечно, такая работа не входит в обязанности стенографистки, но она подготавливает вас к работе старшего клерка угольной конторы. Я хочу, чтобы вы знали всю канцелярскую работу угольных контор Континентальной угольной компании.

Селден никогда не давал Кристин нового задания, пока она не усваивала предыдущее настолько, чтобы работать так же четко и точно, как опытные служащие. Он требовал от нее постоянного совершенствования знаний и безупречного владения техникой. Его метод обучения был медленным, но верным.

Через некоторое время Кристин по-настоящему заинтересовалась работой. Ученицу Селдена захватывали мощь Компании, масштабы ее операций и неукротимое стремление к захвату новых рынков. Восхищаясь могуществом промышленной империи, она гордилась тем, что является одним из винтиков ее колоссального механизма.

Селден заметил у нее пробудившийся интерес к делу и постепенно увеличивал объем работы. Незаметно для себя Кристин стала выполнять всю канцелярскую работу конторы и делала это хорошо. С наибольшими трудностями она встретилась при изучении техники стенографии, но и здесь Селден оказался ценным руководителем. Помимо объяснений, он использовал каждую свободную минуту в конторе, чтобы диктовать ей, постепенно увеличивая скорость диктовки.

Через четыре месяца Кристин овладела стенографией, и ее карандаш легко летал по бумаге, не отставая от стремительного потока слов управляющего, когда он диктовал ей свои доклады или обширную корреспонденцию. Выполняя обязанности его личного секретаря, Кристин была посвящена в секретную переписку с главной конторой Компании. Она знала также содержание информационных бюллетеней, которыми обменивались управляющие шахтами. Молодая женщина начинала постигать сложную механику управления угольным производством. Ее дни были заполнены работой.

С появлением новых интересов чувство одиночества понемногу теряло свою остроту. В выходные дни, когда Кристин была свободна, ей иногда вспоминалось пережитое с Беннетом, но она гнала прочь эти воспоминания. Обида и оскорбление, которые он ей нанес, забывались за работой. Ей даже стала нравиться тишина Айвенго.

Теперь Кристин сильно отличалась от молодой девушки, покинувшей некогда поселок: прежняя Кристин стремилась к яркой, праздничной жизни и к новым впечатлениям; теперь она упорным трудом прокладывала себе дорогу к независимости. Кристин бессознательно связывала перемены в себе с Селденом. Помимо их воли, между ними протянулась тонкая нить отношений, более сложных, чем обычные деловые отношения между начальником и подчиненной. Она объясняла это себе все возрастающим уважением к нему, как к ее руководителю. Однако близость между людьми возникает почти незаметно. Едва ли можно уловить момент, когда она появляется и сказать: «Это начало!»

Временами, забывая, что Селден является также высшей властью в поселке, Кристин, присутствовавшая при разборе им личных дел, содрогалась от его жестокости. Она возмущалась его неумолимостью и бесстрастной холодностью по отношению к людям. Казалось, он рассматривал рабочих не как живые, мыслящие существа, а как механизмы, приспособленные к добыче угля. Не имея повода обвинить своего начальника в несправедливости, она не могла в то же

время найти в нем ни снисходительности, ни желания понять человеческие слабости.

Однажды утром, когда Кристин сидела за своим письменным столом напротив Селдена, в кабинет вошел кассир Холл с кипой бумаг в руках.

– Неприятности, сэр, – сказал он.

– В чем дело? – спросил Селден, быстро повернувшись к нему.

Холл разложил бумаги на столе Селдена.

– Это чеки Эноха Симона – на двадцать долларов больше, чем ему полагается. Он не предъявлял их в нашей лавке.

Селден взял одну из карточек. Она представляла собой четырехугольный кусок картона с пробитыми на нем купонами, на которых значилось: «5 центов», «10 центов» и «25 центов». В центре карточки и на каждом купоне стоял номер серии. Такие чеки Компания выдавала рабочим до дня зарплаты для получения товара в продовольственной лавке. На каждом чеке была подпись управляющего и фамилия рабочего, которому дали чек. От получки до получки чеки служили своего рода ходячей монетой в шахтерских поселках. Перед днем выдачи жалованья лавка предъявляла чеки в контору, где их сортировали и подсчитывали. По ним контора вычитала деньги за взятый товар и окончательно рассчитывалась с рабочими.

Селден нахмурился.

– Пришлите сюда Симона, – приказал он. Симона, работавшего в шахте мастером, вызвали по телефону. Это был высокий, худой человек с хитрыми глазами. Лицо его было испачкано угольной пылью, на шапке еще горела лампа, которой он пользовался в шахте. Войдя в контору, он стал беспокойно переминаться с ноги на ногу.

– Где остаток ваших чеков? – спросил Селден.

– Я не все истратил, сэр, – хитрил Симон.

– Это неправда! – резко сказал управляющий. – Смотрите. Здесь чек, выпущенный двадцать девятого. Вы истратили его в лавке, и купоны вернулись назад, в контору. Не хватает чеков, выпущенных четырнадцатого, семнадцатого и восемнадцатого. Что вы с ними сделали?

Симон колебался.

– Я... мне нужны были деньги, и...

– Вы продали их? – допрашивал Селден.

– Да, сэр.

– Кому?

– Одному из товарищей. Глаза Селдена сверлили Симона.

– Не лгите. У кого чеки? – резко допытывался Селден.

Симон перестал отпираться.

– У мистера Манна, который живет около станции, – пробормотал он.

– Сколько он вам дал?

– Восемьдесят центов.

– Так. Вы получили шестнадцать долларов за чек стоимостью в двадцать. Вы нарушили правила Компании. Смотрите сюда!

Сухой указательный палец Селдена остановился на надписи, отпечатанной красными буквами на каждом чеке: «Чек именной».

– Да, сэр. Но мне были очень нужны деньги.

– Сразу же после полочки? – не без ехидства спросил Селден. – Сознайтесь, вы проиграли? Известно ли вам наказание за нарушение правил Компании? – резко сказал управляющий, и в его голосе зазвучали металлические нотки.

– Вы ведь не выгоните меня, мистер Селден?.. – горло Симона перехватил спазм.

Селден не ответил. Повернувшись к Холлу, он сказал:

– Предупредите лавку, чтобы там не принимали эти чеки. Номера вам известны. Проследите, чтобы их не обменивали в кассе. Я не хочу, чтобы в поселке началось ростовщичество. С Манном разберусь сам.

Затем он презрительно посмотрел на Симона.

– Вы на десять дней отстранены от работы. Если это повторится, получите расчет. Убирайтесь!

Симон, довольный, что отделался сравнительно легко, исчез. Селден спокойно углубился в работу.

Это был только один из многих случаев, происходивших на глазах Кристин. Однажды она отважилась упрекнуть Селдена в суровости и непреерекаемости решений.

– Я здесь начальник, и мое решение должно быть окончательным. Необходима дисциплина, иначе наступит хаос, – суровым тоном заявил Селден.

* * *

С тех пор, как Кристин начала работать в конторе, прошел год. За это время она многому научилась и в совершенстве овладела техникой делопроизводства. Молодая женщина была довольна работой: теперь она зарабатывала в три раза больше, чем полгода назад, и не сомневалась, что по мере увеличения ее делового опыта будет расти и жалованье. Деньги давали ей независимость. Жизнь в родительском доме уже не была для нее столь тягостной. Она платила за себя, и в отношении семьи к ней появилось уважение. Кристин сознавала, что всеми этими переменами она обязана Селдену, но, несмотря на благодарность

за оказанную помощь, не могла забыть унижения той ночи в «Доме на холме», куда пришла по его приказанию. Она страстно ждала часа мести.

Молодая женщина предвкушала момент, когда она сможет встретиться со своим начальником на равных и рассчитаться за годы страданий и травли, которые она пережила с Клемом. Селден разрушил ее счастье, унизил ее как женщину и лишь по своей прихоти сделал ее независимой. Чувство одиночества, притупившееся в период напряженной работы, теперь, когда у нее появилось свободное время, вновь обострилось. У Кристин не было друзей, она сознательно отгородилась от жителей поселка, которые искали сближения с ней, чтобы иметь своего человека в конторе. Селдена она уважала за его деловые качества, но он не мог быть ее другом.

С наступлением весны необъяснимая тоска стала томить Кристин еще чаще. Однажды она мечтательно смотрела в окно конторы на холмы, начавшие покрываться свежей, молодой зеленью. Незаметно в контору вошел Селден. Он проницательно взглянул на нее и опустил в кресло.

– Потянуло на свободу? – спросил он. Казалось, он читал ее мысли. Кристин утвердительно кивнула.

Селден откинулся в кресле и положил ногу на стол.

– Мне кажется, вы вполне окрепли.

– Да? – спросила она.

– Вы получили все, что я мог вам дать. Теперь у вас достаточно сил, чтобы быть независимой, – спокойно заявил он.

– Вы убеждены в этом?

– Да. Вы можете самостоятельно работать в любой угольной конторе. Нет оснований задерживать вас в Айвенго дольше, чем вы сами того захотите, – уверенно сказал Селден.

Кристин сосредоточенно чертила кружки на бумаге. Селден внимательно за ней наблюдал.

– Вы полагаете, что для нас наступило время свести счеты? – спокойно спросила она, не поднимая глаз.

– Я не хотел этого сказать, но вы можете истолковать мои слова, как вам будет угодно.

– Мне кажется, теперь вы можете предъявить свой счет за услуги, – сказала Кристин. – Мы договорились, что вы сделаете это после того, как убедитесь в моей самостоятельности.

– Счета нет, – спокойно ответил Селден. – Я положился на вашу честность в этой игре.

Кристин покачала головой.

– Мое желание быть честной по отношению к вам стало минимальным после всего, что я пережила. Я вас предупреждала об этом.

– Я не принял тогда во внимание ваше предупреждение. Мне кажется, – добавил он, – вас стесняет здесь обстановка?

– Да. Привычка меня связывает, и я предпочла бы обсуждать этот вопрос в другом месте.

– Где же?

– Я могу прийти к вам домой, но не сегодня. Может быть, завтра или на днях.

Смелость ее предложения проистекала из сознания своей независимости.

– Как вам угодно, – согласился Селден.

Над Айвенго внезапно разразилась катастрофа. За минуту до нее поселок жил мирной жизнью, радуясь чистому апрельскому небу, весне и пробудившейся природе. И вдруг все сердца сжались от ужаса. Надежды и отчаяние сосредоточились у входа в шахту, откуда уже доносились крики о помощи. Смерть и горе витали над каждым домом в поселке. Люди не знали причины несчастья, но считали ответственным за него Селдена.

Рабочие машинного отделения, возбужденные аварией, обвиняли в случившемся Селдена. Этого оказалось достаточно, чтобы ненависть, таившаяся много лет, вырвалась наружу. Оставшееся в живых население поселка жаждало мести за длинные ряды бесформенных тел, лежавших во временном морге. Жизнь управляющего была в опасности. Его охраняли три мрачных парня с тупыми лицами и карабинами в руках.

Мэллори Кент, начальник отдела охраны и безопасности Континентальной угольной компании, немедленно прибыл в Айвенго, как только известие о катастрофе достигло главной конторы в Бирмингеме.

Компания защищала своего управляющего, оправдывая его действия. Она делала это не из убеждения в правоте Селдена, но по прямому расчету. Признание его вины означало необходимость выплаты компенсации семьям погибших. И поскольку Компания не желала платить, она защищала Селдена, даже не спросив его, считает ли он себя виновным.

К Селдену был приставлен вооруженный человек, следовавший за ним по пятам во время работ по восстановлению шахт. Без охраны карабинеров его жизнь продолжалась бы недолго. Ночью, когда Селден сидел без сна в своем доме и ломал себе голову над разгадкой причин несчастья, мерные шаги часового под окнами давали знать управляющему, что Компания заботится о его безопасности. Обычное душевное равновесие и спокойствие покинули Селдена. В эти бессонные ночи он терзался сомнениями и угрызениями совести. Но так было только в ночном одиночестве. По утрам он снова становился управляющим и с прежним спокойствием твердой рукой управлял шахтой. Затаив свою ненависть, Айвенго вынужден был повиноваться.

Селден хотел присутствовать на массовых похоронах жертв взрыва, но Кент решительно воспротивился его намерению.

– Лучше этого не делать, Джерри, – твердо сказал он. – Вы знаете, что они обвиняют во взрыве вас. Пока вам удастся держать рабочих в руках, но не стоит чересчур возбуждать их злобу. С мужчинами мы еще могли бы справиться, но там будут женщины, а если они впадут в истерику, то нельзя предвидеть, чем все закончится. У нас нет достаточного количества вооруженных людей, чтобы встретиться с разъяренной толпой, и вполне вероятно, что нам не удастся вас спасти.

– Я не боюсь, – спокойно ответил Селден.

– Я понимаю ваше состояние, Джерри. Вы хотите встретиться с ними, но именно этого делать нельзя. Толпа может разорвать вас на куски.

Селден пожал плечами.

– Хорошо, – согласился он. – По-моему, я должен присутствовать на похоронах и показать, что не боюсь и не прячусь.

– Мы знаем, что вы не прячетесь, но они поймут иначе. У большинства из них погибли близкие люди. Они легко могут потерять голову, и тогда может случиться непоправимое. Мы не сможем вас спасти.

Селден на похороны не пошел.

* * *

На кладбище ровными рядами были выставлены гробы с изуродованными телами шахтеров. Бледные, жалкие цветы, выросшие на склонах ближайших холмов, покрывали трупы. Отсутствие Селдена было замечено. Из уст в уста пробежал глухой ропот возмущения. Над свежей братской могилой звучали проклятия и угрозы управляющему.

После похорон жизнь Айвенго быстро вошла в обычную колею. Горе и отчаяние затаились в домах осиротевших семей. Катастрофа перестала быть общей бедой

поселка. Оставшиеся в живых рабочие готовились к спуску в шахту, где заканчивались восстановительные работы. Они не забыли о погибших товарищах, но с обычным для углекопов фатализмом гнали от себя страх и мысли о смерти.

Однако ненависть к Селдену только усилилась и достигла наивысшей точки в тот момент, когда он рассказывал на судебном следствии о событиях рокового дня. Управляющий говорил бесстрастно, не делая ни малейшей попытки приукрасить свои действия. Айвенго оценил его ответы как проявление наглости и равнодушия к несчастью, обрушившемуся на поселок.

Селден явился на допрос под усиленной охраной. Шахтеры безмолвно расступались перед ним, когда он медленно проходил сквозь их ряды к месту свидетелей. В глазах людей горели ненависть и злоба.

Селден поклонился Николсону, генеральному директору конторы в Бирмингеме, и следователю Стерлингу, обменялся взглядами с Мэллори Кентом, который дружески смотрел на него, и занял свидетельское кресло.

В его глазах мелькнуло удивление при виде сидящей за отдельным столиком стенографистки.

Это была Кристин Беннет. Селден почти не видел Кристин после катастрофы: она редко бывала в конторе, занятая работой по оказанию помощи семьям погибших. Селден недоумевал: неужели и она на стороне тех, кто его обвиняет. Он вопросительно взглянул на следователя, который в это время шептался с двумя мужчинами, сидящими рядом с ним. Одного из них, главного правительственного инспектора Чемпена, Селден знал. Вторым был Генри Черри – представитель Федерального угольного бюро.

Селден внутренне сжался перед первым допросом. Ему предстояла пытка на глазах ненавидевших его шахтеров, но он знал, что должен пройти через это испытание. Страшным усилием воли он заставил успокоиться свои измученные нервы, и теперь с невозмутимым видом дожидался, пока чиновники перестанут шептаться.

Кристин тайком за ним наблюдала. Она не догадывалась, что он считает себя виновным. Суровые черты осунувшегося лица управляющего ничего ей не

говорили. Молодая женщина была слишком уверена в том, что хорошо знает Селдена. Впервые после катастрофы Кристин снова стала размышлять над их отношениями. Они так и не закончили разговор, начатый в конторе, и теперь Кристин обдумывала последние события, отыскивая в них предлог для того, чтобы освободиться от Селдена.

Наконец, Стерлинг приступил к допросу. Сначала его вопросы не интересовали рабочих – они касались Селдена, его происхождения, технического образования и продолжительности службы в Компании.

– Бывали ли вы на вышке в рабочее время? – спросил Стерлинг.

Рабочие зашевелились и придвинулись к решетке, отделявшей от них место следствия.

– Нет. Обычно я посылал вместо себя старшего надсмотрщика шахт.

– В таком случае чем было вызвано ваше присутствие на вышке в день взрыва?

– У команды верхней площадки были трудности с вращающимся сбрасывателем, и я пошел узнать, в чем дело.

– Вращающимся сбрасывателем вы называете машину, которая освобождает от угля вагонетки, выходящие из шахты?

– Да, сэр. Это сбрасыватель нового типа. К нему подается состав вагонеток. Специальными клещами машина захватывает колеса вагонетки и останавливает колею, по которой они движутся. Затем сбрасыватель переворачивает вагонетки, выгребает из них уголь и подает его на нижний конвейер. Преимущество такого сбрасывателя состоит в том, что вся работа выполняется механизмами.

– Вы сказали, что у команды были затруднения. В чем они заключались? Не употребляйте технических выражений – я не эксперт по угольному делу.

– Рабочие не могли высвободить клещи из колес последней вагонетки и опустить обратно в шахту порожние вагонетки.

– Это наклонная шахта?

– Да, сэр. Кроме того, колеи идут на верхнюю площадку под углом двенадцать градусов.

– Продолжайте.

– Я приказал рабочим отрезать пустые вагонетки от подъемного троса. Мне пришлось заняться исправлением рычага, регулирующего работу клещей, но поломка оказалась слишком серьезной. Тогда я приказал Гарри Хазлиту подложить кусок рельса под последнюю вагонетку, чтобы состав вагонеток не скатился в шахту, и отключить неисправный рычаг.

Вмешался главный правительственный инспектор.

– Разрешите задать вопрос – это весьма важно. Приняв, таким образом, все меры предосторожности, проследили ли вы за тем, как рабочий выполнил ваше распоряжение? Рабочие часто бывают неисполнительны.

– Нет, – ответил Селден.

Инспектор продолжал:

– У вас, несомненно, есть доказательства того, что вы распорядились принять меры предосторожности, – и, обращаясь к следователю, он добавил: – Необходимо вызвать в качестве свидетеля этого рабочего – Гарри Хазлита, кажется? – он вопросительно посмотрел на Селдена.

Из толпы рабочих слышались возгласы:

– Гарри убит!

– Ищите его на том свете!

– Гарри Хазлита убило вырвавшееся из шахты пламя, – ответил Селден.

– Итак, у вас нет доказательств, подтверждающих ваши слова? – спросил следователь.

Получив разрешение следователя, снова вмешался правительственный инспектор:

– Уверены ли вы, что рабочие выполнили ваше приказание?

Селден колебался – он много раз задавал себе этот вопрос.

– Я не уверен, что он сделал так, как ему было приказано, – дрогнувшим голосом ответил он.

Главный инспектор настаивал.

– Подумайте хорошенько! Я хотел бы получить точный ответ на свой вопрос. Вы приказали рабочему подложить кусок рельса так, чтобы он остановил состав вагонеток, если бы они начали спускаться в шахту. Но раз у вас нет доказательств, то не могли бы вы присягнуть в том, что Гарри Хазлит выполнил ваше приказание?

– Нет, не могу. Я был слишком раздражен в тот момент и не проверил, что он сделал.

Следователь Стерлинг посмотрел на инспектора, тот недовольно взглянул на Селдена и пожал плечами.

– Что случилось потом? – спросил следователь. У Селдена пересохло во рту. Он чувствовал на себе тяжелый ненавидящий взгляд толпы. У него сейчас было одно желание – поскорее покончить с этой пыткой. Мэллори Кент встал и подал ему стакан воды.

– Успокойтесь, Джерри, ваши дела не так уж плохи, – дружески шепнул он.

Селден выпил воды и благодарно взглянул на Кента, затем спокойно продолжал:

– Я постараюсь все рассказать как можно яснее. Сразу же после того, как я приказал Хазлиту подложить кусок рельса, колеса вагонетки неожиданно начали вертеться, и, прежде чем я успел сообразить, в чем дело, все десять вагонеток сорвались и исчезли в шахте.

Шахтеры снова заволновались. Подозрения оправдывались: раздражение и небрежность управляющего стали причиной гибели их товарищей. Ненависть рабочих выразилась в глухих проклятиях и угрозах. Вооруженная охрана Компании молча выступила вперед и выстроилась вдоль решетки, отделявшей рабочих от следственной комиссии. Угрожающе щелкнули затворы.

– Дальше, – приказал следователь.

– Мгновение спустя из шахты вырвалось пламя, охватившее всех, кто стоял у колее. Вентилятор остановился...

Селден не закончил фразу.

– Получили ли вы телесные повреждения? – прервал его следователь.

– Я был немного обожжен. Остальные пострадали более серьезно.

– Сгорели живьем! – раздался из толпы рабочих истерический женский возглас.

– Большинство их погибло, – упавшим голосом закончил Селден.

Следователь, переглянувшись с правительственным инспектором, попытался придать допросу другую направленность:

– Вы сами руководили спасательными работами? Селден наклонил голову, подтверждая его слова.

– Да. Я делал все, что мог, пока не прибыла помощь. Мне пришлось поставить новый вентилятор, работающий на газолине, так как большинство моторов было испорчено. Через пять минут он начал действовать, но оказался недостаточно мощным, чтобы откачать из шахты газ.

– Спустились ли вы в шахту сразу после взрыва?

– Да, после того, как привезли кислородные маски. Спуститься без них мы не могли.

– Что, по вашему мнению, явилось причиной взрыва?

– Сорвавшийся состав вагонеток поднял огромное количество мелкой угольной пыли в центральном забое. Упав с высоты двух тысяч четырехсот футов, он с ходу ударил по электрическому проводу. Посыпались искры, попавшие в угольную пыль, и газ воспламенился. Все рабочие, находившиеся в шахте, погибли.

– Значит, если бы состав не сорвался, взрыва бы не было?

– Конечно, нет, – уверенно ответил Селден. Толпа углекопов, слушавшая его, затаив дыхание, дружно вздохнула. У рабочих не оставалось сомнений – убийцей был Селден. Он сам с холодным спокойствием признал свою вину, отвечая на последний вопрос.

Мрачные лица углекопов потемнели. Не было ни одного рабочего, у которого не сжались бы в тот момент кулаки и не напряглись бы мускулы – столь яростным было их желание расправиться с этим человеком, который спокойно сидел в кресле и так цинично рассказывал о гибели сотен людей. Напряжение несколько спало после того, как перед следователем появились следующие свидетели – двое рабочих. Закончив допрос, комиссия удалилась.

Вдогонку следователю, которого бережно вел под руку Генеральный директор Компании, полетели насмешки и издевательства. Рабочие не сомневались в результатах следствия: они знали, что Компания найдет способы защитить свои интересы.

Толпа медленно расходилась, проклиная Селдена.

– Мы хотели бы как можно скорее получить стенографический отчет допроса. Когда вы сможете его подготовить? – обратился Кент к Кристин.

Она перелистала исписанные страницы.

– Завтра утром отчет будет готов.

– Так скоро? – Кент поднял брови. – Если вы успеете закончить к завтрашнему дню, это очень облегчит нам работу.

На следующее утро все было именно так, как предвидели шахтеры. Сидя за письменным столом Селдена, следователь просматривал подготовленную Кристин стенограмму допроса. Генеральный директор Компании дружески предложил ему сигару. Следователь, с удовольствием затянувшись дорогой гаванной, взглянул на правительственного инспектора.

– Мне кажется, мы можем представить это как несчастный случай, который нельзя было предвидеть, – предложил он.

– Без преступления со стороны управляющего, – добавил инспектор. – Он утверждал, что принял все меры предосторожности. Показаний против него не было.

Следователь наклонился к столу и начал писать свое заключение. Пока он писал, Генеральный директор Компании и Кент читали через его плечо. К тому времени, когда он закончил, их лица выражали полное удовлетворение.

Кент, держа в руках написанный Кристин отчет, подошел к ней.

– Отличная работа, – сказал он.

– Благодарю вас, – ответила молодая женщина.

– Очень даже неплохая работа. Я был удивлен, найдя здесь такую прекрасную стенографистку.

– Это моя специальность, – улыбнулась Кристин.

– Стенографистка, знакомая с угольным делом?

– Да.

Кент задумался.

– Что бы вы сказали, если бы я предложил вам место в Бирмингеме? Там бы вы могли сделать неплохую карьеру.

Кристин покачала головой.

– Благодарю вас, но я не могу сейчас покинуть Айвенго. Здесь живут мои родные, и они...

– Понимаю, – сказал Кент. – Но если вы когда-либо захотите устроиться в Бирмингеме, я уверен, что найду для вас работу.

– Это обещание?

– Да. Обещание, на которое вы всегда можете рассчитывать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/bitsi_dzhek/glubokiy-shram

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)